

СЕЛЬСКИЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ДЕТСКИХ ПРИУТОВ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Современные историки все чаще признают благотворительную деятельность важной частью общегражданского развития имперской России², многие новации, однако, особенно исходившие из провинции, изучены пока недостаточно. Одной из таких новаций был проект земского начальника Шадринского уезда Пермской губернии Петра Ерогина, предложившего дополнить народную практику общинной помощи осиротевшим крестьянским детям закрытыми учреждениями детского призрения. К мысли о необходимости изменить существующую систему П.М. Ерогин пришел после страшного голода 1891-1892 гг., оставившего в России без крова сотни тысяч детей. Для защиты крестьянских детей Шадринского уезда Пермское губернское попечительство детских приютов организовало ряд мероприятий, в которых земский начальник принял самое активное участие. Он возглавил местное попечительство, открывшее в деревнях временные приюты-столовые, где дети могли ежедневно получать хлеб и теплую пищу, а в случае крайней надобности — и одежду. Действовала организация на деньги, выделенные губернским попечительством и благотворительные пожертвования³.

Все эти меры, однако, по мнению П.М. Ерогина, были совершенно недостаточны. Оценивая деятельность Ведомства детских приютов, он писал в 1898 г.: «К сожалению, нельзя не признать того факта, что число существующих в России в настоящее время детских приютов (169), с призреваемыми в них полными пансионерами (5295) ничтожно в сравнении с громадным количеством детей, нуждающихся в общественном призрении. Вместе с тем, нужно заметить еще и то, что общественная благотворительность сосредоточила свою деятельность исключительно около крупных центров: столиц, губернских и уездных городов, как бы совершенно забывая, что города со своим населением ремесленно-промышленного характера составляют лишь ничтожную частицу сравнительно со всею массою остального сельского населения России»⁴.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 09-01-83108 а/У «Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX вв.: институциональный и социокультурные аспекты»).

Участь сирот в уральской деревне была, по мнению П.М. Ерогина, очень печальной. Смерть крестьянина почти всегда вела к полному разорению оставшегося после него хозяйства. Редко случалось, чтобы вдова могла удержать в своих руках душевой земельный надел покойного мужа. Опасаясь недоимок, крестьяне снимали с нее часть земельного надела, а если за умершим крестьянином числился долг — и вовсе отбирали землю. «Вдове нужно обладать большим запасом энергии и настойчивости, чтобы выйти победительницей из этой борьбы с суровыми общественниками, совсем не признающими в этих случаях чувства сострадания, и сохранить за собой землю, чтобы тем самым иметь возможность прокормить осиротевших малолеток», — писал П.М. Ерогин⁵.

Еще страшнее была судьба круглых сирот. Среди них земский начальник выделял две группы — детей позажиточнее и совсем бедных. Для управления имуществом детей зажиточных крестьян сельский сход обыкновенно выбирал особых попечителей. Но их деятельность очень часто сводилась к тому, чтобы бесконтрольно пользоваться доходами с сиротской земли, вырубать лес и постепенно присваивать оставшийся инвентарь. Для детей же бедных сельчан общество и вовсе предпочитало не выбирать опекуна или назначало на это место малоимущего крестьянина, который и сам, кое-как перебиваясь, искал заработка на стороне, оставляя не только сирот, но и собственную семью. Крестьянские семьи весьма прагматично относились к институту усыновления детей. Чаще всего приемных родителей находили мальчики-сироты, так как вместе с ними в дом переходили и земельные наделы. Удочерение же девочек никаких материальных выгод не сулило, а поэтому и в семьи их брали редко, рассчитывая использовать девочек в качестве бесплатных нянек или домашних работниц и взваливая на неокрепшие плечи непосильное бремя забот. Имущество умерших бедных крестьян-недоимщиков община спешила продать для того, чтобы хоть как-то обеспечить исполнение налогов. Детям же оставалась одна дорога — на улицу.

«В деревне дети-попрошайки — вполне обычное явление, — пишет П.М. Ерогин, — они не вызывают ни в ком сострадания и никто не озабочивается их участью. Грязные, до потери человеческого облика, с боязливым взглядом загнанной собачонки, в жалких рубищах, едва прикрывающих их худосочные тельца, стучатся маленькие нищие и вечерней, и ранней порой под окнами крестьянских изб. Нужно отдать справедливость нашим крестья-

нам — они не отказывают в милостыне сироте и часто делятся единственным куском хлеба. Но нередко маленькому нищему приходится услышать и безжалостное «Бог подаст»; часто вслед за подачей черствого куска, вдогонку сироте посылаются ворчливые попреки и брань»⁶. На своем дальнейшем жизненном пути дети-бродяги неминуемо попадали в многочисленный разряд взрослых нищих, убогих, калек и богомольцев, которые охотно принимали отверженных детей в свое общество и обучали их своей морали и нравственности. Волна нищенства и босячества, захлестнувшая страну после страшного бедствия 1891-1892 гг., по мнению П.М. Ерогина, неизбежно грозила империи ростом преступности, что не могло не заботить правительство и интеллигентное общество.

Для избавления от этого зла земский начальник предлагал создать в деревне сеть приютов, где сироты могли бы получить кров и приобрести те знания, которые будут им необходимы в дальнейшей жизни среди своих односельчан. Материальный источник деятельности сельских приютов П.М. Ерогин видел в привлечении в эту сферу государственного финансирования. «Со введением почти во всех губерниях России винной монополии, — писал он, — сельские общества лишились тех сумм, которые они получали от содержателей питейных заведений в деревнях. В некоторых районах эти суммы достигали внушительных размеров, как можно судить по примеру Шадринского района Пермской губернии. Один только предприниматель г. Поклевский-Козелл уплачивал ежегодно до 20 тысяч рублей сельским обществам за право торговли спиртными напитками на их землях. Но, кроме г. Поклевского, в Шадринском уезде существовали еще три крупных предпринимателя: гг. Ушков, Злоказов и Седунов и десятки мелких, совместно уплачивавших в свою очередь крестьянам несколько десятков тысяч рублей. Все эти деньги остались в полном владении казны, которая только весьма незначительную долю этих сумм возвращает сельским обществам на нужды уездных попечительств о народной трезвости. Я уверен, что министерство финансов согласится ежегодно ассигновать сумму, необходимую для постепенного учреждения в России сети сельских приютов из этого многомиллионного капитала, поступавшего раньше в собственность сельских обществ, в виду весьма значительных практических результатов общегосударственной важности, которые могут быть доставлены этими учреждениями»⁷.

Планы Петра Ерогина, таким образом, выходили за пределы российского законодательства, предусматривавшего содержание благотворительных заведений за счет частной благотворительности и средств муниципальных и земских налогов. На это предложение, однако, правительство никак не отреагировало, правда, инициативу земского начальника заметило. В том же 1898 г. П.М. Ерогин был прикомандирован к Комитету Главного попечительства детских приютов. Главноуправляющий с.е.и.в. Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии Н.А. Протасов-Бахметев и директор Канцелярии по управлению детским приютами О.К. Адеркас поручили ему разработать проект нормального устава сельских приютов для крестьянских сирот, взяв за основу Положение 1891 г. о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии. Основной целью сельских детских учреждений приютское начальство считало нравственное воспитание сельских детей, приюты должны были поселять в них «чувства веры, доброй нравственности, чистоты и трудолюбия», приучать к разным рукоделиям крестьянского быта и «ни малейшим образом» не изменять будущего назначения своих питомцев быть крестьянами-хлебопашцами⁸.

Проект устава сельских приютов, разработанный П.М. Ерогиным был опубликован в «Вестнике благотворительности» 1898 г. с предисловием автора, который пояснял, что, не отступая в целом от требований Положения 1891 г., он внес в него некоторые важные изменения. Первое из них существенно расширяло возможности участия в делах приюта местного сельского общества. Устав предлагал каждому сельскому обществу избрать особого наблюдателя за крестьянскими сиротами, которому поручалось собирать сведения о положении сирот в деревне. Наблюдатель предлагал сельскому сходу помещать детей в приют, если считал это необходимым, собирал крестьянские взносы на содержание детского учреждения, устраивал бывших питомцев приюта на работу к хозяевам и присматривал за их поведением. Помимо того, он участвовал в общих собраниях попечителей, почетных членов, почетных старшин и наблюдателей приюта, которое собиралось ежегодно. Собрание прослушивало и утверждало годовой отчет попечительского совета, обсуждало различные вопросы о нуждах приюта и избирало очередных членов совета. Среди избранных, согласно уставу, могли быть и сельские наблюдатели. Им давалось также право награждения медалями за выдающуюся роль в разви-

тии детского призрения. Попечительский совет сельского приюта, собиравшийся один раз в месяц, а в важных случаях и чаще, работал под председательством земского начальника. Он решал текущие проблемы детского учреждения. Предложенная примерным уставом система создавала, по мнению П.М. Ерогина, «единение населения с приютом», что он считал очень желательным. Сохранял устав, однако, и административный контроль над приютами, предусмотренный Положением 1891 г. Общий надзор за их деятельностью возлагался на Главноуправляющего с.е.и.в. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии, а местный контроль — на уездные и губернские попечительства.

Серьезным прибавлением к требованиям Положения о детских приютах 1891 г. П.М. Ерогин считал уточнение вопроса о взаимоотношениях приюта со своими выпускниками. «Я не мог не обратить внимания на печальный пробел в уставах детских приютов, — пишет он. — С выходом сироты из приюта, по достижении предельного возраста, все отношения между воспитанником и воспитавшим его заведением порываются. А между тем, этот возраст самый неустойчивый и нуждающийся в опеке и поручительстве»⁹. Срок пребывания детей в сельском приюте, как и в городском, ограничивался 16-летним возрастом. П.М. Ерогин предлагал продлить обязательные отношения администрации приюта с воспитанниками до их совершеннолетия (достижения 21-летнего возраста, или, для девочек, выхода замуж). До совершеннолетия воспитанников ни опекуны, ни ближайшие родственники, ни сельское общество не имели права вмешиваться в распоряжения администрации приюта относительно судьбы и имущества призреваемых.

Имущество сирот (включая скот и птицу) поступало в распоряжение администрации приюта вместе с воспитанниками. Оно фиксировалось в особой описи, которая утверждалась в волостном правлении. Пока ребенок находился в приюте, его имущество можно было употреблять на текущие нужды учреждения, однако при выходе, администрация все отдавала воспитанникам, либо в качестве денежного вознаграждения, из расчета 4% годовых, либо в натуральном виде, но лучшего качества. Питомцы приюта покидали стены детского учреждения в 16 лет, но оставались под присмотром попечительского совета. Попечители подыскивали хозяев, которые принимали подростков на работу и, с согласия воспитанников, оговаривали с ними условия оплаты. Сверх полного содержания в доме хозяина, сирота получал денежное вознаграждение.

раждение, которое, однако, не отдавалось ему на руки, а поступало в кассу приюта. Две трети заработной платы при этом сдавались на хранение в ссудо-сберегательную кассу, на книжку сироты, а остальная треть поступала в особый капитал приюта, из которого впоследствии совет приюта мог оказать помощь своим воспитанникам при обзаведении хозяйством. Эти правила, считал П.М. Ерогин, хотя и стесняли несколько свободу действий питомца приюта, но гарантировали ему в будущем возможность самостоятельно встать на ноги.

Непременным условием подготовки сирот к жизни П.М. Ерогин считал их образование. По достижении 8 лет, все воспитанники приютов обязательно обучались грамоте. Для этого они, если имелась возможность, посещали земскую или церковно-приходскую школу, если же такой возможности не было, преподавание налаживалось в самом приюте. Помимо общего образования, детям давались навыки земледельческого труда. Зная нравы и обычаи крестьянского населения, П.М. Ерогин считал, что только трудовое воспитание и образование детей позволит сельчанам смотреть на приют как на свое, необходимое им учреждение. «Сельские приюты потому и должны быть земледельческими, и в них нужно обучать детей только таким ремеслам и рукоделиям, которые необходимы в крестьянском быту, - писал он. — Специализировать известные ремесла и рукоделия в сельских приютах безусловно вредно. Увлечшись, например, развитием сапожного дела, легко можно достигнуть самых блестящих результатов и выработать из питомцев приюта прекрасных сапожников. Но тогда эти дети, достигнув зрелого возраста и не находя применения своим знаниям в деревне, отправляются за работой в город и, в лучшем случае, не сыграют в деревне никакой роли. В худшем же случае, соблазны городской жизни могут скоро натолкнуть неокрепшего еще нравственно подростка на путь разврата и порока»¹⁰. Для занятий с питомцами приюта полевыми работами, огородничеством, скотоводством, а также ремеслами, необходимыми в крестьянском быту, попечительский совет приюта должен был пригласить учителя сельского хозяйства, имеющего опыт подобного преподавания. Такой же специалист необходим был и для ремесленных занятий.

Не оставлял без внимания П.М. Ерогин и моральный климат в сельских приютах. Специальные параграфы устава оговорили степень наказаний, которым могли подвергаться в приютах дети. Смо-

трительница, заведующий сельским приютом и все прочие лица, служившие здесь, обязаны были обходиться с детьми ровно, мягко и кротко, стараться не отдавать кому-либо из них предпочтения, стараться избегать раздражения. В детях необходимо было развивать чувство товарищества, услужливости, почтительности к старшим, сострадания к больным и увечным, не допускать ссор и сквернословия, удерживать от злобных проявлений характера. За маловажные проступки смотрительница и заведующий приютом могли объявить воспитаннику замечание и выговор наедине или при всех детях, отделить его за особый стол во время обеда, поставить в угол или на колени, оставить на хлебе и воде (но не свыше одного дня), назначить дежурить по кухне и записать в штрафную книгу или на черную доску. В случае более важных проступков вопрос о наказании воспитанников решал попечительский совет приюта. Крайней степенью при этом было помещение провинившегося в отдельном помещении на срок не более трех дней. Эта часть примерного устава сельского приюта являлась, с точки зрения П.М. Ерогина, важным дополнением Положения 1891 г., так как могла предотвратить случаи превышения власти и злоупотребления со стороны администрации приюта.

Создавая примерный проект устава, П.М. Ерогин учитывал опыт сельского приюта, созданного по его почину в селе Белоярском Шадринского уезда. Первый в России сельский приют начал действовать в 1894 г. По призыву земского начальника, крестьяне решили вносить на содержание приюта по 3 копейки с души, что составляло около 400 рублей в год. Присоединилось к финансированию приюта и уездное земство. На собранные деньги был построен и оборудован необходимым инвентарем дом. Дети получали здесь начальное образование и навыки почти всех крестьянских ремесел: мальчики обучались сапожному, переплетному и шорному делу, прядению ниток, плетению циновок, корзин, шляп, девочки — кройке, шитью, ткацкому и белошвейному ремеслу, ведению домашнего хозяйства¹¹. В 1896 г. деятельность приюта была поддержана министерством земледелия и государственных имуществ. По докладу министра, приюту выделили 46 десятин земли и материалы для строительства летнего домика. В октябре 1897 г. в арендное пользование приют получил еще 157 десятин земли¹². В 1902 г. Белоярское сельское попечительство выстроило для приюта отдельную кузницу и здание учебной мастерской, в которых было налажено обучение детей кузнечному и столярному делу¹³.

Целью приюта было не только обучение детей известным приемам ремесла и сельского хозяйства, но и передача им новых знаний и технологий. Для ткацких работ сельское попечительство приобрело самопрядные и ткацкие самолетные станки новой модификации, для молотбы - конную молотилку, для провеивания - усовершенствованную веялку «Бостонка». Белоярский приют имел свой семенной банк¹⁴.

Собственное хозяйство стало одним из главных источников пополнения средств детского учреждения. Под руководством заведующего сельским хозяйством, дети самостоятельно осуществляли практически весь цикл необходимых работ: боронили, пахали, жали хлеб, присматривали за скотным двором и огородом. Приютские поля давали неплохой урожай. В 1909 г., например, Белоярское сельское попечительство сообщало, что с помощью наемных рабочих, питомцы приюта обработали 46 десятин земли, с коих собрали 920 пудов пшеницы, 200 пудов озимой ржи, 610 пудов овса, 400 пудов картофеля. На приютской ферме они содержали семнадцать дойных коров, от которых не только постоянно получали молоко, но и реализовывали излишки продукции на рынке. В 1909 г. за счет продажи молока было выручено 190 рублей 53 копейки¹⁵.

Администрация Белоярского приюта всячески стремилась завоевать материальную и моральную поддержку со стороны общества. Значимые события в жизни детского учреждения всегда тщательно готовились и праздновались публично, обставляясь с особой торжественностью. Из сохранившихся описаний этих торжеств видно, что они становились важным событием в жизни окружающих сел. Репортаж газеты «Урал» от 21 июня 1898 г., например, следующим образом рисует картину праздника, посвященного вступлению Белоярского приюта в состав Мариинских учреждений: «Маленький сельский домик в лесу, был покрыт флагами, терраса его была полна народа, весь садик и огород был украшен флагами, а летний барак, где обыкновенно спят и проводят свободное время дети, был превращен в громадную столовую, где лежало до 200 рыбных пирогов. Более ста крестьян в самых нарядных костюмах с женщинами и детьми гуляли в саду под флагами, дожидаясь окончательного съезда приглашенной публики и местного окружного духовенства, и все с любопытством показывали друг другу на преобразившихся, раньше нищенствующим своих деревенских детей, которые, нисколько не смущаясь наплывом

такой необыкновенной публики в их лесной уголок, спокойно гуляли себе группами в своих пестрядинных чистых костюмах, чувствуя себя приятно хозяевами такого множества гостей».

Корреспондент газеты с удовлетворением отмечал, что внимание крестьян привлекали передовые методы ведения приютского хозяйства. Мужчины толпились у конюшни, где были представлены прекрасные жеребцы, подаренные приюту великим князем Дмитрием Константиновичем, женщины посещали огород, где каждый из детей имел свою маленькую грядку и высаживал то, что ему более нравилось: горох, бобы, огурцы, дыни. Около барака вниманию публики были представлены прекрасные плуги разных систем, с помощью которых мальчики обрабатывали поля. «Эти плуги и простые, и сложные, и дорогие, и дешевые очень привлекали крестьян, видно было, что они тоже разбирают их достоинства и недостатки, как и образцовых жеребцов этого приюта с той точки зрения, насколько они применимы для обыденного хозяйства и по средствам, и по качествам»¹⁶.

Белоярский приют, таким образом, становился для сельских жителей не только благотворительным учреждением, но и важным очагом культуры, что встречало понимание общества. Благотворительные пожертвования были одним из важных источников финансирования детского учреждения. На общем собрании попечителей приюта в 1898 г., например, земский начальник П.М. Ерогин огласил смету, из которой следовало, что доходы детского учреждения составят в 1899 г. 2781 рубль 50 копеек. Это крестьянские сборы (370 рублей), пособия от министерства земледелия (700 рублей) и Шадринского уездного земства (240 рублей), доходы от оброчной статьи и заимки (867,5 рублей), пожертвования и благотворительные взносы (300 рублей). Общее собрание попечителей приюта посетило в 1898 г. более 100 человек, среди которых были и старообрядцы¹⁷.

Отмечая определенную роль инициативы П.М. Ерогина в развитии гражданской жизни села, надо признать, что внедрялась она на Урале с большим трудом. В Пермской губернии к 1914 г. было создано четыре сельских попечительства (детский приют в селе Белоярском Шадринского уезда, работал с 21 октября 1894 г., в селе Катайском Камышловского уезда — с 7 ноября 1899 г., в селе Югокануфском Осинского уезда — с 20 октября 1900 г., в селе Кудымкоре Соликамского уезда — с 24 января 1905 г.), а в Вятской губернии — лишь два (приют в селе Бобине Вятского

уезда действовал с 1 августа 1901 г., в селе Ржано-Поломском того же уезда — с 4 ноября 1904 г.). В Уфимской и Оренбургской губерниях сельских приютов вообще создано не было. Трудности распространения идеи закрытого призрения сирот современники объясняли непросвещенностью крестьян, их приверженностью к традициям общинной защиты¹⁸. Современные историки видят здесь и другие причины. Сколько-нибудь рациональная постановка дела призрения покинутых детей требовала значительных средств. Без широкого участия государства решить проблему покинутых детей было невозможно. По мнению современного исследователя благотворительности А.С. Соколова, с которым трудно не согласиться, упорное сопротивление со стороны консервативно настроенной государственной элиты необходимости осуществления действенной и широкомасштабной социальной политики вызывало охлаждение благотворителей, их нежелание предпринимать для ликвидации возникших напряженностей что-либо серьезное. Все это вело к росту конфронтации между властью и значительной частью общества и стало одной из предпосылок кризиса начала XX века¹⁹.

Примечания:

2 См.: Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России в 1905–1907 годы. Тамбов, 2002; Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX века. М., 2005; Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.). СПб., 2006 и др.

3 Деятельность Ведомства детских приютов в неурожайный 1891 год // Вестник благотворительности. 1898. № 6. С.5.

4 Ерогин П.М. О призрении крестьянских сирот // Вестник благотворительности. 1898. № 5. С.17.

5 Там же. С.18.

6 Там же. С.20.

7 Там же. С.24.

8 О необходимости издания нормального устава для сельских детских приютов // Вестник благотворительности. 1898. № 6. С.11.

9 Там же. С. 13.

10 Там же. С.12.

11 Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1898 год. СПб., 1900. С.53.

12 Там же. С.54.

13 Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих од непосредственным их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб., 1904. С.80.

14 Алферова Е.Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 1993. С.

15 Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих од непосредственным их императорских величеств покровительством за 1909 год. СПб., 1910. С.33, 64.

16 Носилов К. Маленькое торжество в Белоярском сельском приюте // Урал. 1898. 21 июня.

17 Белоярский сельский сиротский приют Ведомства учреждений Императрицы Марии // Вестник благотворительности. 1898. № 7. С.23.

18 См.: Ганзен П.Г. Опыт оздоровления деревни. СПб., 1902.

19 См.: Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.). СПб., 2006. С.615-616.